



*...То, что вы называете моей попыткой подчиниться,  
хотя на самом деле это не попытка подчиниться,  
а попытка принять и сделать это охотно.  
Может быть, даже с радостью. Представьте себе,  
как я, сжав зубы, гонюсь за радостью — в полном боевом  
облачении, потому что это очень опасная погоня.*

Фланнери О'Коннор,  
«Навык существования»



# ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С САМАНТОЙ

**16 марта 1989 г., четверг**

Саманта Куинн бежала к дому по длинной безлюдной сельской дороге, и ноги ее горели, будто их жалила тысяча ос. Бешеный стук сердца и удары кроссовок по голой земле слились в едином барабанном ритме. Убранные в хвост волосы вымокли от пота и толстой веревкой хлестали по плечам. Девичьи лодыжки, казалось, вот-вот треснут от напряжения.

Она прибавила скорость, глотая сухой воздух, преодолевая боль.

Там, впереди, в тени матери, стояла Шарлотта. Впрочем, все они жили в тени матери. Гамма Куинн возвышалась над действительностью: цепкие голубые глаза, короткие темные волосы, кожа бумажной белизны и острый язык, который тоже можно было сравнить с бумагой, ведь он порой наносил крошечные порезы в самых болезненных местах. Гамма следила за временем по секундомеру, и Саманта издали заметила, как она неодобрительно поджала тонкие губы, посмотрев на стрелку.

Тиканье секунд эхом отозвалось в голове Саманты. Она заставила себя еще ускориться. Жилы в ногах взвыли. Осы теперь впивались в легкие. Эстафетная палочка норовила выскользнуть из потной ладони.

Двадцать ярдов. Пятнадцать. Десять.

Шарлотта заняла стартовую позицию спиной к приближающейся Саманте и, устремив взгляд вперед, побежала. Она выставила правую руку назад, чтобы вслепую

схватить палочку, как только та ударится о ладонь, и начать свой этап эстафеты.

Передача палочки вслепую. Для ее выполнения нужны доверие и слаженность — то, чего им обоим снова не хватило, как не хватало раз за разом уже битый час. Шарлотта на мгновение засомневалась и оглянулась. Саманта качнулась вперед. Пластиковая палочка скользнула вверх по запястью Шарлотты, по той же ссадине, что и двадцать раз до этого.

Шарлотта вскрикнула. Саманта запнулась. Палочка упала на землю. Гамма громко выругалась.

— С меня хватит. — Гамма сунула секундомер в нагрудный карман комбинезона.

Она зашагала к дому, топя босыми, порыжевшими от оголенной земли ступнями.

Шарлотта потеряла запястье.

— Гадина.

— Идиотка. — Саманта судорожно вдыхала воздух дрожащей грудью. — Ты не должна смотреть назад.

— А ты не должна вспарывать мне руку.

— Это называется «передача вслепую», а не «передача в истерике».

Дверь кухни с грохотом захлопнулась. Девочки посмотрели на столетний фермерский дом, который Саманта прозвала «Шалтай-Болтай», — массивный и неуклюжий памятник тем временам, когда лицензированных архитекторов и разрешений на строительство еще не существовало. Даже закатное солнце не сглаживало его корявые очертания. Дом годами не видел ремонта, за исключением обязательной, наспех намазанной белой краски. В невымытых окнах висели ветхие тюлевые занавески. Серая дверь, сотню лет встречавшая рассветы в северной Джорджии, выцвела, как выброшенная на берег моря доска. Крыша прогнулась будто от тяжести, что свалилась на дом, когда здесь поселились Куинны.

Саманту от тринадцатилетней младшей сестры отделяли два года разницы в возрасте и целая вечность разно-

гласий, но сейчас она точно знала, что думают они одно и то же: «Хочу домой».

Домой — это в одноэтажный коттедж из красного кирпича, что стоял ближе к городу. Домой — это в знакомые с детства спальни, где стены украшены постерами и наклейками, а у Шарлотты еще и расписаны зеленым маркером. Домой — это где ко входу ведет аккуратный квадратный газон, а не безжизненная, истоптанная курами грязь с дорогой в семьдесят пять ярдов, так что издали видно, кто подъезжает к дому.

Никто из них не видел, кто подъехал к дому из красного кирпича.

Казалось, с тех пор как их жизнь рухнула, прошло бесконечно много времени, но на самом деле — всего восемь дней. В тот вечер Гамма, Саманта и Шарлотта ушли на беговую тренировку в школу. Отец был на работе: Расти всегда был на работе.

Позже один из соседей вспомнил, что по улице медленно проехала незнакомая черная машина, но никто не видел, как «коктейль Молотова» влетел в окно дома из красного кирпича. Никто не видел, как из-под карниза повалил дым и как языки пламени принялись облизывать крышу. Когда кто-то наконец поднял тревогу, от дома из красного кирпича уже осталась лишь тлеющая черная яма.

Одежда. Постеры. Дневники. Мягкие игрушки. Школьные тетради. Книги. Две золотые рыбки. Выпавшие молочные зубы. Деньги, подаренные на день рождения. Тайком присвоенная помада. Спрятанные сигареты. Свадебные фотографии. Детские фотографии. Кожаная куртка одного мальчика. Любовное письмо от того же мальчика. Кассеты с музыкой. А еще диски, а еще компьютер, а еще телевизор, а еще родной дом.

— Чарли! — Гамма стояла на крыльце со стороны кухни, оперев руки в бока. — Иди накрывать на стол.

Шарлотта повернулась к Саманте и, бросив «Разговор окончен!», убежала к дому.

— Тупица, — пробормотала Саманта. Если сказать «разговор окончен», это еще не значит, что он действительно окончен.

Переставляя ватные ноги, она медленно двинулась к дому: в конце концов, это ведь не она была дурой, неспособной просто вытянуть руку и дожидаться, когда в нее вложат палочку. Она никак не могла понять, почему Шарлотта не может выучить несложную передачу.

Саманта оставила обувь и носки рядом с обувью и носками Шарлотты на кухонном крыльце. Воздух в фермерском доме был влажным и затхлым. «Постылый» — такой эпитет вспомнила Саманта, когда вошла сюда. Предыдущий жилец, холостяк девяноста шести лет, умер в спальне на первом этаже в прошлом году. Друг отца разрешил им пожить здесь, пока они решают вопрос со страховкой. Если его вообще получится решить. Судя по всему, разногласия вызывал вопрос о том, не был ли поджог спровоцирован деятельностью их отца.

Впрочем, общественное мнение свой вердикт по этому поводу уже вынесло — видимо, именно поэтому владелец мотеля, в котором они провели прошлую неделю, попросил их найти другое жилье. Саманта грохнула входной кухонной дверью, потому что по-другому она не закрывалась. На незажженной конфорке оливково-зеленой плиты стояла кастрюля воды. Рядом, на коричневой пластиковой столешнице, валялась неоткрытая пачка спагетти. На кухне было душно и сыро — самое постылое место во всем доме. Ни один из предметов в помещении не сочетался с другим. Древний холодильник издавал зловоние и кричал, когда его открывали. Ведро под раковиной само содрогалось от своего запаха. Вокруг колченогого фанерного стола теснились разномастные стулья. Белые прямоугольники на кривых оштукатуренных стенах выдавали места, где раньше висели фотографии.

Шарлотта, высунув язык, раскидывала по столу бумажные тарелки. Саманта взяла пластиковую вилку и швыр-

нула ее прямо в лицо сестре. Шарлотта хлопнула ртом — но не от возмущения.

— Офигеть, это было круто!

Вилка элегантно кувыркнулась в воздухе и приземлилась в точности между губ Шарлотты. Она взяла вилку и предложила Саманте:

— Сможешь так два раза подряд — я помою посуду.

Саманта выдвинула встречное предложение:

— Попадешь мне в рот один раз, и я буду мыть посуду целую неделю.

Шарлотта прицелилась, прищурился один глаз. Саманта старалась не думать о том, насколько глупо было предлагать младшей сестре бросить вилку себе в лицо, и тут на кухню вошла Гамма с большой картонной коробкой.

— Чарли, не бросай столовые приборы в сестру. Сэм, помоги мне найти ту сковородку, что я купила на днях.

Гамма бросила коробку на стол. На ней было написано «ВСЕ ПО ДОЛЛАРУ». Десятки частично распакованных коробок громоздились по всему дому. Набитые скарбом, который Гамма за бесценок купила в секонд-хенде, они образовали настоящий лабиринт в комнатах и коридорах.

— Представляете, сколько денег мы сэкономили, — заявляла Гамма, вытаскивая линялую фиолетовую футболку с Набожной Дамой из шоу «Сатердей-Найт-Лайв» и подпись «Разве это не СЛА-А-АВНО?»

На самом деле Саманта лишь предполагала, что именно это было написано на футболке. Потому что пряталась в углу вместе с Шарлоттой, в ужасе от намерения матери одеть их в чью-то одежду. Чьи-то носки. Даже чье-то белье — но, слава богу, тут вмешался отец.

— Черт побери! — заорал Расти на Гамму. — Почему бы тогда не нашить нам всем рубищ из мешков — и всех делов-то?

Гамма вскипела.

— Хочешь сказать, мне еще и шить надо научиться?

Родители теперь ругались из-за новых вещей, потому что ничего прежнего у них не осталось. Коллекция трубок



Расти. Его шляпы. Пыльные страницы раскрытых книг по юриспруденции, валявшихся по всему дому. Журналы и статьи Гаммы с красными пометками. Ее кеды, сброшенные у входа. Воздушные змеи Шарлотты. Заколки Саманты. Не было больше ни сковородки, оставшейся Расти от матери. Ни зеленой медленноварки, которую Гамме и Расти подарили на свадьбу. Ни электропечи с горелым запахом. Ни кухонных часов в виде совы с двигающимися туда-сюда глазами. Ни крючков, на которые вешали куртки. Ни стены, к которой крепились крючки. Ни автомобиля Гаммы с кузовом типа универсал, остов которого, как ископаемый скелет динозавра, торчал посреди черной пещеры, когда-то бывшей гаражом.

В доме было пять расшатанных стульев, никем не востребованных на распродаже наследства одинокого фермера, старый кухонный стол, слишком дешевый, чтобы быть антиквариатом, и втиснутый в стенной проем большой гардероб. Мать говорила, что придется заплатить пятак Тому Робинсону, чтобы он этот гардероб расколотил.

В гардеробе было пусто. Пусто было в ящиках комода в гостиной и на полках кладовой. Они переехали в фермерский дом позавчера, но коробки еще не распаковали. Проход к кухне был заставлен кое-как подписанными контейнерами и заляпанными бумажными пакетами, которые нельзя было разобрать, прежде чем кто-нибудь не помоеет кухонные шкафы, но только никто этого не сделает, пока Гамма их не заставит. Матрасы в спальнях наверху лежали на голом полу. На перевернутых ящиках стояли потрепавшиеся лампы для чтения, а читать им приходилось книги не из своего собрания, которое они так ценили, а из городской библиотеки Пайквилля. Каждый вечер Саманта с Шарлоттой вручную стирали свои беговые шорты, спортивные лифчики, укороченные носочки и легкоатлетические футболки «Леди Ребелс», дорожа этими немногими уцелевшими после пожара вещами.

— Сэм, — Гамма указала на оконный кондиционер, — включи эту штуку, а то здесь дышать нечем.

Саманта не сразу отыскала кнопку включения на большом металлическом ящике. Двигатель дернулся. Холодный воздух с запахом мокрой жареной курицы засвистел через вентилятор. Саманта смотрела в окно на боковой двор. Рядом с полуразрушенным амбаром ржавеет трактор. Из земли около него торчит какое-то неизвестное сельскохозяйственное орудие. Отцовский «Шеветт» заляпан грязью, но, по крайней мере, он не вплавился в пол гаража, как мамин универсал.

Она спросила Гамму:

— Во сколько нам забирать папу с работы?

— Его подвезет кто-нибудь из суда. — Гамма глянула на Шарлотту: та весело насвистывала себе под нос, пытаясь сложить самолетик из бумажной тарелки.

— Сегодня слушается то самое дело.

«То самое дело».

Эти слова пульсировали в голове Саманты. Отец всегда вел какое-то дело, и всегда находились люди, которые его за это ненавидели. В Пайквилле, штат Джорджия, не было ни одного обвиняемого подонка, чьи интересы не представлял бы Расти Куинн. Наркодилеры. Насильники. Убийцы. Домушники. Угонщики. Педофилы. Похитители людей. Грабители банков. Материалы таких дел читаются как бульварные детективы, которые кончаются всегда одинаково и всегда плохо. Местные прозвали Расти «адвокатом проклятых» — так же, как Клэренса Дэрроу, хотя, насколько было известно Саманте, никто не бросал в дом Клэренса Дэрроу бутылку с зажигательной смесью за то, что он спас убийцу от камеры смертников.

Именно из-за этого подожгли их дом.

Иезекиль Уитакер, чернокожий мужчина, ошибочно обвиненный в убийстве белой женщины, вышел из тюрьмы в тот день, когда в окно Куиннов бросили горящую бутылку с керосином. На случай, если смысл послания остался неясен, поджигатели написали баллончиком на подъездной дороге: «ЛЮБИТЕЛЬ ЧЕРНОМАЗЫХ».

А теперь Расти защищал мужчину, обвиняемого в похищении и изнасиловании девятнадцатилетней девушки. Белый мужчина, белая девушка, но обстановка накалилась, потому что он — белый мужчина из низов, а она — белая девушка из хорошей семьи. Расти и Гамма никогда не обсуждали это дело открыто, но отвратительные подробности преступления передавались по городу шепотом из уст в уста и уже просочились под входную дверь, проникли через вентиляцию и звенели у них в ушах перед сном.

«Изнасилование инородным предметом». «Насильственное лишение свободы». «В извращенной форме».

У Расти в папках были фотографии, про которые даже любопытная Шарлотта понимала: лучше их не откапывать, потому что на фото была девушка, повесившаяся в амбаре, потому что она не смогла пережить то, что сделал с ней тот мужчина, и решила покончить с собой.

Саманта училась в одной школе с братом погибшей девушки. Он был на два года старше Саманты, но, как и все остальные, знал, кто ее отец, так что теперь пройти по школьному коридору было для нее все равно что пройти по дому из красного кирпича — через сдирающие кожу языки пламени.

В пожаре исчезли не только ее комната, одежда и позаимствованная помада. Саманта потеряла и мальчика — владельца той кожаной куртки, — и друзей, которые раньше приглашали в кино, на вечеринки и в гости с ночевкой. Даже любимый тренер по бегу, который занимался с Самантой с шестого класса, начал придумывать отговорки: якобы у него совсем нет времени на работу с ней.

Гамма сказала директору школы, что девочки помогают ей разбирать коробки и какое-то время не будут ходить в школу и на тренировки, но Саманта поняла: на самом деле все из-за того, что после пожара Шарлотта каждый день приходит домой в слезах.

— Все, хрен с ним. — Гамма закрыла коробку, отчаявшись найти сковороду. — Предлагаю сегодня побыть вегетарианцами.

Девочки не возражали, потому что на самом деле им было все равно. Гамма вопиюще плохо готовила. Она отрицала рецепты. Открыто враждовала со специями. Как дикая кошка, она инстинктивно противилась любым попыткам одомашнивания.

Гарриет Куинн называли Гаммой не потому, что ее развитые не по годам дети не могли произнести слово «мама», а потому, что она имела две докторские степени, одну — по физике и одну — в какой-то еще заумной области, которую Саманта никак не могла запомнить, но, кажется, там было что-то про гамма-излучение. Мать работала в НАСА, затем переехала в Чикаго и работала в «Фермилабе», после чего вернулась в Пайквилль ухаживать за умирающими родителями. Может, и была какая-то романтическая история о том, как юная Гамма отказалась от блестящей научной карьеры, чтобы выйти замуж за юриста в маленьком городке, но Саманта ее никогда не слышала.

— Мам, — Шарлотта плюхнулась за стол, обхватив руками голову, — живот болит.

— Тебе разве не надо делать уроки? — спросила Гамма.

— Химию. — Шарлотта подняла глаза. — Поможешь?

— Это не ракетостроение. — Гамма вывалила спагетти в кастрюлю с холодной водой на плите. Потом повернула ручку и включила газ.

Шарлотта скрестила руки внизу живота.

— Ты хочешь сказать, что я справлюсь сама, потому что это не ракетостроение, или имеешь в виду, что ракетостроение — это единственная область, в которой ты разбираешься, поэтому с химией ты мне не можешь?

— В этом предложении слишком много союзов. — Гамма зажгла спичку и поднесла к горелке. Газ полыхнул с резким «пффух». — Иди помой руки.

— По-моему, резонный вопрос.

— Прямо сейчас.

Шарлотта с театральным стоном встала из-за стола и вприпрыжку побежала по длинному коридору. Саманта услышала, как открылась и закрылась одна дверь, потом другая.